

Шевцова Элина Александровна,

аспирант кафедры теории и практики социальной работы

ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»

e-mail: fssr@bk.ru

СТРУКТУРА РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПРЕВЕНЦИИ

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы структурирования русской философии социальной превенции. Место философии социальной превенции в структуре содержания русской социальной философии определяется её строением (архитектоникой), в котором выделяется базовый уровень (онтология социальной превенции, антропология социальной превенции и философия истории социальной превенции) и функциональный уровень (общая динамика социальной превенции, механика социальной превенции, генетика социальной превенции, политика социальной превенции и специальные социальные превенции).

Ключевые слова: методология, социальная философия, русская философия социальной превенции, структура, базовый и функциональный уровни.

Abstract: The article deals with issues of the Russian social prevention philosophy structuring. The place of the of social prevention philosophy in the structure of Russian social philosophy content is determined by its structure (architectonics), in which the basic level (ontology of social prevention, anthropology of social prevention and the history of social prevention philosophy) and the functional level (general dynamics of social prevention, mechanics of social prevention, genetics of social prevention, social prevention policy and special social preventions) are distinguished.

Keywords: methodology, social philosophy, Russian social prevention philosophy, structure, basic and functional levels.

Понимание структуры русской философии социальной превенции с учётом того, что последняя рассматривается как социальное явление современного российского общества, предполагает соответствующее методологическое обоснование. Г.Г. Шпет обратил внимание на то, что «философия не только есть знание, но также некоторый тип очень сложного переживания, выходящего далеко за пределы чисто-интеллектуальных отношений» [11, с. 430].

Г.Г. Шпет предлагал в исследовании на место целого поставить часть, считая это «общим способом нарушить философскую традицию» и учитывать при этом, что содержание («состав») философии определяется многообразными условиями: имеют значение не только научные понятия определённого исторического периода, но и его предрассудки, его настроения, словом, всё мировоззрение общества конкретного периода.

Г.Г. Шпет считал весьма существенным то, что этими настроениями и взглядами весьма часто предопределяется не только содержание проблем философии, но также «характер, форма и состав познавательного предмета» философии [11, с. 430].

Такой подход позволил ему обратиться к пониманию «конкретного как социального». Он уточняет: ««социальное» не момента только данного созерцания, а обременённое всем прошлым». Г.Г. Шпет в диссертационной речи 9 мая 1916 года «История как проблема логики» говорил: «Такое конкретное в своей исчерпывающей полноте есть не что иное, как историческое! И я думаю, такова, действительно, идея конкретного современной философии» [11, с. 432].

Методология исследования, предложенная Г.Г. Шпетом, даёт возможность на место «целого» (русская социальная философия) «поставить часть» (русская философия социальной превенции) и предпринять попытку,

следуя за логикой исследования Г.Г. Шпетом проблем истории, «разграничить области отдельных дисциплин, частью философских», которые связаны с проблемами социальной превенции в обществе [10, с. 316-317].

В этом случае русская философия социальной превенции может исследоваться, как состоящая из философии истории социальной превенции, «методики» социальной превенции и «логики» социальной превенции, имеющей своим предметом проблему социальной превенции как научного знания.

Эти три элемента («дисциплины») структуры содержания русской философии социальной превенции связаны друг с другом, но требуют в ходе исследования точного разграничения своих предметных областей. Различие между ними может быть сведено к следующему.

Философия истории социальной превенции имеет своим предметом исторический процесс возникновения и эволюции социальной превенции как явления общественной жизни. «Методика» социальной превенции представляет собой совокупность правил, приёмов и способов научно-философского исследования социальной превенции в современном обществе.

Таким образом, «логика» и «методика» социальной превенции отличаются от философии истории социальной превенции тем, что имеют своим предметом социальную превенцию как область научно-теоретического и социально-философского исследования, а философия истории социальной превенции имеет своим предметом социальную превенцию как эмпирическую действительность.

Существуют и другие методологические подходы к структурированию содержания русской философии социальной превенции. Один из них предполагает создание теоретических моделей социальной превенции, что позволяет, в свою очередь, выявить в содержании таких моделей различные типы социальной превенции.

Считается, что в зависимости от характера протекания исследуемого явления допустимо использовать группы «интуитивных» моделей: модели

эволюционного развития, модели революционного развития, модели, включающие элементы и эволюционного и революционного развития.

В зависимости от наличия неопределённостей, сопровождающих исследуемый процесс, среди «имитационных» моделей можно выделить детерминированные и стохастические. В этом случае к первым следует отнести модель социальной системы и модель цикличности социокультурных процессов [1, гл. 4].

Мы считаем, что перспективной с точки зрения достижения цели исследования является методология определения архитектоники русской философии социальной превенции, позволяющая выявить структурные элементы, функции, формы, типы и виды социальной превенции как социального феномена и феномена русской философской мысли [8, с. 124-125; 9, с. 179]. Обращение к архитектонике даёт возможность определить основной принцип построения содержания и общую систему связей между отдельными структурными элементами и частями русской философии социальной превенции.

Методология исследования архитектоники русской философии социальной превенции заключена, как в признании единства составляющих её частей, так и в обращении внимания исследователя на самобытность и уникальность этой философии в целом.

Вместе с тем, архитектоника также состоит в выявлении соотношения главных и второстепенных элементов содержания русской философии социальной превенции, поскольку сочетание главного и второстепенного даёт возможность выявить основную идею содержания.

Общая композиция (строение) русской философии социальной превенции включает в себя знание о феномене социальной превенции, представленное на пяти уровнях, каждый из которых включает знание или о социальной превенции как феномене современного общества, или о социальной превенции как феномене русской философской мысли, или о социальной превенции как сочетании этих феноменов.

Первый уровень строения русской философии социальной превенции позволяет выявить возможность исследования онтологии социальной превенции как образующего элемента, антропологии социальной превенции и философии истории социальной превенции.

Поскольку «социальная философия раскрывает основное содержание человеческого бытия как бытия общественного» [2, с. 91], то в структуре содержания русской философии социальной превенции можно выделить элементы социально-онтологического знания, используя понятия «социальная реальность», «социальное бытие», «социальная действительность» [2, с. 51-53]; философско-антропологического знания, отражающего направленность на постижение всеобщих начал социальной превенции через «общественного человека» и через «человеческое общество» [2, с. 116-117]; знания о философии истории социальной превенции, представляющие собой конкретные упорядоченные рассуждения о социальной превенции в прошлом [2, с. 93-94].

Второй уровень строения русской философии социальной превенции представлен общей структурой социальной превенции, общей динамикой социальной превенции и специальными социальными превенциями.

Методологические подходы к исследованию структурной социологии, содержащиеся в работе П.А. Сорокина «Общество, культура и личность; их структуры и динамика» (1947 г.), дают основание считать, что «общая структура социальной превенции» - это социально-философское знание о структуре и содержании «родовых социокультурных явлений» превенции в современном обществе; об основных «структурных типах» социальных групп или социальных институтов, в соответствии с которыми «дифференцируется и стратифицируется население», включённое в различные социально-превентивные процессы, и их взаимоотношения; об «основных структурных типах культурных систем», детерминирующих содержание социально-превентивных процессов, и их взаимоотношениях.

В свою очередь «общая динамика социальной превенции» - это социально-философское знание о повторяющихся в обществе процессах,

имеющих социально-превентивную составляющую (взаимодействие, социализация, конфликт, господство, подчинение, адаптация, мобильность); о влиянии социальных процессов организации и дезорганизации на людей, участвующих в процессах социальной превенции; о повторяющихся процессах («интеграция и дезинтеграция, конверсия и аккумуляция культурных образцов и систем») и их воздействии на превентивное поведение людей в современном обществе.

«Специальные социальные превенции» – это социально-философское знание об общей структуре и общей динамике, применённое в отношении «специального класса социокультурных явлений, избранного для тщательного изучения» [7, с. 173]. В структуре русской философии социальной превенции такими «специальными социальными превенциями» оказываются философия социальной политики, философия воспитания социальной превенции, философия социальной работы, философия социального страхования и др.

Третий уровень строения русской философии социальной превенции представлен общим учением о социальной превенции, механикой социальной превенции, генетикой социальной превенции и политикой социальной превенции. Характеристика содержания каждого из них позволяет понять способы социально-философского подхода к изучению феномена социальной превенции. Следуя методологии П.А. Сорокина, русская философия социальной превенции может быть разделена на «отделы».

Первый «отдел» представлен общим учением о социальной превенции, которое включает определение социальной превенции как социального явления современного общества, анализ его основных черт, а также характеристику современных социально-философских учений о тенденциях и направлениях развития превенции в обществе.

Второй «отдел» образуют знания о механике социальной превенции, т.е. знание закономерностей, проявляющихся в социальной превенции как явления современного общества; знание того, как сложное по своей структуре явление социальной превенции дифференцируется на более простые элементы; знание

свойств и особенностей этих элементов и тех эффектов, которые они вызывают в социально-превентивном поведении людей и других социальных явлениях; знание механизма функционирования социальной превенции в современном обществе.

Перефразируя П.А. Сорокина, можно предположить, что задача этого «отдела» применительно к исследованию феномена социальной превенции состоит в том, чтобы «сделать сложное простым, случайное закономерным, ... построить модель, которая была бы вполне похожей на общество и законы явлений которой объясняли бы и законы общественной жизни» [6, с. 30].

Если механика социальной превенции как структурный элемент русской философии социальной превенции исследует статические закономерности, постоянно проявляющиеся в социальной превенции как феномене общества, то содержанием третьего «отдела» - генетики социальной превенции – будет знание о происхождении и развитии социальной превенции как феномене общества и знание её постоянных тенденций, проявляющихся в историческом развитии общества.

С точки зрения методологических основ исследования русской философии социальной превенции наибольший интерес вызывает четвёртый «отдел» - политика социальной превенции, содержащий философское осмысление научно-прикладного знания различных средств и способов социальной превенции, пользуясь которыми можно «достигать цели улучшения общественной жизни и человека», а также содействовать в современном обществе в целом «росту человеческого счастья, увеличению культурных ценностей и ускорению общественного прогресса» [6, с. 30].

Смысловая направленность содержания этого «отдела» выводит исследование на четвёртый уровень строения русской философии социальной превенции, который представлен теоретической и практической социальной превенцией, т.е. знанием о проявлениях социальной превенции в современном обществе с точки зрения *сущего* («теоретическая социальная превенция») и с точки зрения *должного* («практическая социальная превенция»).

Следуя методологии исследования социальных явлений П.А. Сорокина [5, с. 37], политика социальной превенции оказывается практической социальной превенцией и в этом качестве рассматривается как элемент структуры содержания русской философии социальной превенции.

Предметом социально-философского анализа становятся способы, приёмы и средства предотвращения различных видов социальной аномии, содействия осуществлению рациональных реформ во всех сферах общественной жизни, использования социального капитала. В этом случае знания теоретической социальной превенции являются основой осмысления «возможности управлять социальными силами, утилизировать их сообразно поставленным целям» [5, с. 42].

Завершающий уровень строения русской философии социальной превенции возвращает к идее моделирования её содержания и представлен, основываясь на методологическом подходе К.С. Пигрова, моделями социальной превенции как социального феномена и феномена русской философской мысли.

Деятельностная (материалистическая, прагматическая, культурологическая и т.п.) модель социальной превенции основана на утверждении о том, что источник изменений содержания социальной превенции находится в самом обществе, поскольку в процессе человеческой деятельности создаются основы для таких изменений.

Деятельностная модель любой стороны социальной реальности сосредоточивает внимание на сфере производства, политики и власти, т.е. на экономической и политической жизни общества. К.С. Пигров считает, что такая модель не является «субстанциалистской» и место той или иной «социальной субстанции» в ней занимает «ситуация» [3, с. 101].

Некая неопределённость относительно принципа «замещения ситуацией субстанции» как теоретической основы данной модели не отменяет перспективности понимания социальной превенции как ситуационного проявления конкретных видов деятельности в современном обществе,

поскольку специфическую, неприродную и сверхприродную реальность создаёт именно человеческая деятельность.

В отличие от деятельностной натуралистическая и реалистическая (идеалистическая) модели социальной превенции по сути «субстанциалистские», поскольку их основой является та или иная субстанция (трансцендентное начало в одном случае и окружающая среда как средство существования общества в другом случае), выступающая конечной причиной всего, что происходит в социальной превенции как феномене современного общества.

Для обеих моделей существенна идея социального детерминизма для понимания содержания феномена социальной превенции. Кроме этого, с помощью натуралистических представлений эффективно исследуется ряд проблем, имеющих отношение к социальной превенции, в частности проблема адаптации в современном обществе. В свою очередь, в реалистической модели критерий развития социальной превенции проявляет себя в достижениях духовной культуры, в религиозности населения, в показателях нравственного совершенства человека [3, с. 167].

Феноменологическая модель социальной превенции последовательно стремится объяснить этот феномен современного общества из его собственного содержания, поскольку нет никакого основания (или об этом основании ничего неизвестно), заранее заданного, неизменного, всегда равного самому себе, которое бы определяло жизнь общества.

Социальная превенция существует в «социально организованных актах интерпретации, в интерпретативных процедурах», она сконструирована и постоянно «конституируется в процессах (процедурах) интерпретаций участников». Таким образом, социальная превенция оказывается не просто конституированным феноменом, но конституированным особым способом – «конституированным смыслами». Внешне фиксируемым критерием развития социальной превенции может считаться способность индивидов «постигать смыслы, присутствующие в обществе» [3, с. 151, 153-154, 167].

Данный уровень строения русской философии социальной превенции следует определить как уровень методологических оснований, завершающий структурирование содержания русской философии социальной превенции и дающий возможность определить дальнейшее направление исследования феномена социальной превенции – его типологизацию и методологическое обоснование такой типологизации.

Возможность провести типологизацию социальной превенции в русской социальной философии основана на понимании метода исследования как «типа знания о действиях, необходимых для получения новых единиц знания» [4, с. 81]. Существует утверждение, что теоретическое знание является средством построения различного рода моделей, в том числе и моделей социальной превенции.

Мы исходим из того, что философское и научно-теоретическое знание о социальной превенции представляет собой особого рода модель изучаемых русской социальной философией объектов. Такое знание оказывается не только средством для построения определённых моделей, оно сама является моделью социальной превенции как объекта исследования, знание о котором в ней фиксируются [4, с. 119-120].

Библиографический список:

1. Болотов, В.Н. Современные организационные системы // В.Н. Болотов. – М.: Информконверсия, 2008. - 486 с.
2. Очерки социальной философии / под ред. К.С. Пигрова. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1998. - 288 с.
3. Пигров, К.С. Социальная философия: учебник // К.С. Пигров. - СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. - 296с.
4. Ракитов, А.И. Курс лекций по логике науки // А.И. Ракитов. – М.: «Высшая школа», 1971. - 176 с.

5. Сорокин, П. Система социологии. Т. I. Социальная политика. Ч. I. Учение о строении простейшего (родового) социального явления // П. Сорокин. - Птг.: «Колос», 1920. - 360 с.

6. Сорокин, П.А. Социология № 1 / П.А. Сорокин. // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов / пер. с англ. - М.: Политиздат, 1992. - С. 27-32.

7. Сорокин, П.А. Структурная социология / П.А. Сорокин. // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов / пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – С. 156-220.

8. Тугаров, А.Б. Идея социальной превенции как философский феномен / А.Б. Тугаров, Э.А. Шевцова // Современные исследования социальных проблем - 2016 - № 4-1 (28) - С. 122-137.

9. Тугаров, А.Б. Философия социальных ценностей: единство солидарности, взаимопомощи и социальной превенции / А.Б. Тугаров, А.В. Очкина, Т.А. Николаева, Э.А. Шевцова // Современные исследования социальных проблем – 2018 - Т. 10 - № 1-2 - С. 172-182.

10. Челпанов, Г.И. Г. Шпет. История как проблема логики. Ч. I. Материалы. М., 1916. / Г.И. Челпанов // Вопросы философии и психологии - 1916 - № 4 - Кн. 134 - С. 316-324.

11. Шпет, Г. Философия и история / Г. Шпет // Вопросы философии и психологии – 1916 - № 4 - Кн. 134 - С. 427-439.